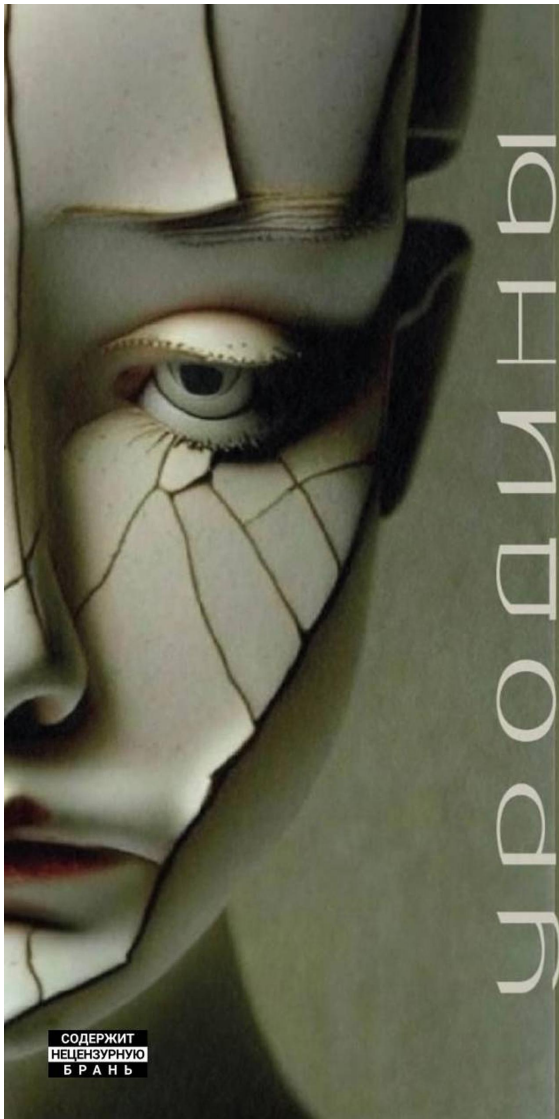

уродины

Екатерина Янсон

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Янсон

Уродины

<https://litres.ru/67932276>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маша ведёт дневник успешной жизни, которую она выдумала. Катя — ведущая новостей, едет работать в горячую точку. Аня удачно выходит замуж и уезжает в США. Чтобы добиться успеха и заслужить одобрение родителей, они готовы держать лицо. Счастливое лицо депрессии. И это оказывается очень опасный путь.

Содержание

Москва, 2023	4
Маша	8
1	8
#тыжедевочки	8
2	42
Жизнь моей мечты	42
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Екатерина Янсон

Уродины

Москва, 2023

Все описанные события вымышленные, кроме самых диких, которые произошли в реальности

День 1

Вы приходите домой, а у вас пропадают одни тарелки, но появляются новые. Звонит телефон:

— Можно Н.?

— Вы ошиблись.

— Да нет же, вчера мы договорились, что я перезвоню, где он? Мне надо с ним поговорить!

Бросаем трубку. Идиот какой-то. Откуда эта картина? У меня такой не было. Пойду-ка я отсюда.

Выходим на улицу. Кому-то кричат. Идём дальше. На плечо ложится рука:

— Эй, Н., что не отвечаешь?

Хочется пробормотать что-то, но язык прилип к нёбу.

Опять Н.?

Ускорить шаг. Пойду выпью кофе. Заходим домой, опять эта картина, с ума я схожу, что ли. К черту её, завтра выброшу. Нет. Лучше! Подарю ффрау Марте, она вечно на что-то жалуется. На картине как раз открытое море, а она боится открытых пространств.

Где же сахар? Я его вчера покупал.

Ночью снова звонок. Отвечаю «Н. нет», привык уже.

День 2

Тарелки вернулись. Какие-то новые цветы. Хотел отнести картину ффрау — голая стена. Она что, мне приснилась?

День 3

Плохо сплю. Опять просили Н. по какому-то делу государственной важности. Сломалась плита, которой я не пользуюсь. Странно. Лучше бы сломался телефон.

Впервые пациент отказался от моего лечения. Главврач опровергает мои диагнозы.

Обнаружил полотенце на двери спальни. Никогда его так не вешал. Может, надо в отпуск.

День 4

Сахар я не покупал. Но он есть. Начинаю записывать, по карманам бумажки. Голова кругом. Перчу мясо — оказывается, это корица. Отплёвываюсь. Это корица Дианы. Оставила, когда убегала к своему примоднённому дрищу. Конечно, торопилась. Сзади стоял я с молотком.

Нет, конечно, я бы её не убил. И не собирался, я просто чинил полку. И она очень уж медлила, а мне тошно её терпеть. Решила уходить — уходи. Не надо вот этих соплей «Я буду скучать, а можно мне навещать кота...» Шутка, нет у нас кота, хотя она хотела.

День 9

Никогда не было такого, чтобы все диагнозы за неделю неверны. Не может быть. Язву не могу поставить? Аппендицит?

Умываюсь. Вытираю лицо. Не узнаю голубое полотенце. Это мой нелюбимый цвет с тех пор, как мать порола меня похожей тряпкой. Какого чёрта оно здесь делает?

День 13

Опять не мог найти полотенце. Было в стиральной машине. Но она же давно не работает...

День 81

Тело молодого человека было найдено в его квартире по адресу XXX. Причина смерти: утечка газа (умышленная или случайная — установить).

Маша

1

#ТЫЖЕДЕВОЧКИ

Пять

В семье не без уроды, и в нашей семье урод я. Мама часто говорила, что я особенная. Началось это в детстве. Мне пять лет, я прихожу с танцев и реву, потому что мне не нравится партнёр:

— Я не могу с ним танцевать, он плохо ведёт, наступает на ноги... Почему у всех нормальные мальчики, а у меня...

— Вечно у тебя все виноваты, только не ты. Ну конечно, ты же у нас особенная, у тебя всё не как у людей!

Через год она снова выйдет замуж. Новый муж будет из тех, чужих, с кем она была мила и дружелюбна. Она скажет, что он особенный, но не такой, как я. Зарабатывает, красивый, приятно подругам показать, удобный, потекающий ей.

Я плохо понимаю эту особенность. Её заслужить как-то надо? Или это хаотичный подарок судьбы? Все вокруг стали

особенные, успешные: занимаются любимым делом, работу 5/2 презируют, на выставки ходят, кофе из модных стаканов пьют. Общество отслеживает их по соцсетям, как «Боинги» по флайтрадару. Кто-то снимает частные самолёты на пару часов для фотосессий или эконом-вариант — «Бентли» — для фото маникюра на фоне руля. Всё так бездушно, но так красиво. А я что, хуже? Я тоже хочу признания, чтобы меня общество любило, кофе хочу из стакана пить.

Двадцать один

Осень 2014-го была как картинка с выставки. Шёл уже октябрь, а лето всё не капитулировало. Фотогеничная Москва, жёлтая и красная, сияла под солнцем. Старые здания расправляли плечи и впитывали последние лучи впрок. Временами лил дождь, и тонкие лужи отражали довольный город. Такая осень, с разноцветными деревьями, дорожками в жёлтом клёне, очень идет Москве.

Вечерами на улицы выходили не только влюбленные школьники, но и все-все: пожилые, больные, занятые. Пенсионеры одевались в лучшее. Собака выгуливала детей. Мальчишки дарили своим первым возлюбленным букеты из листьев клёна. Влюблённая парочка прошла мимо, над чем-то тихо смеясь.

Чёрт, откуда здесь лужа? Гневно тру джинсы, размазывая по ним грязь. Иду домой переводить, писать диплом, сти-

рать. Мне двадцать один, у меня тоже «молодость». Как и у моих коллег. Вообще, особенная, независимая и успешная, я жила на лирической окраине города, где у метро меня каждый вечер встречали гости столицы с комплиментами и предложениями купить краденые яблоки Джобса. Но потом мой дом на окраине снесли, и в силу непреодолимых семейных обстоятельств я попросила временного убежища у друзей. Катя с Аней — вполне себе томные барышни, но это поодиночке. Стоит им встретиться, и они превращаются в банду городских пиратов и чинят разбой. Иногда Катя варит вкусные борщи и начищает дом до блеска, но сегодня не такой день.

— Машка, День учителя будешь с нами отмечать? — говорит Аня и взмахом Джонни Уокера приглашает меня за стол. Пока мы никакие не учителя, а Аня тут даже не живёт.

— У меня горло болит.

— А ты с молоком пей! — смеётся Катя.

И я ещё не подозреваю, что завтра мы будем сидеть за кухонным столом и пить вино, которое она украдёт из бара.

Шесть

Когда я была стройной танцовщицей бальных танцев, мама не очень любила ходить на мои соревнования. Не просто не любила, а не ходила. Но однажды переборола себя, нарядилась, надела лучшее, пришла, расправила юбку, села.

А тут я.

— Что за дурацкое у тебя платье? Совсем нет вкуса.

Я просила её помочь мне выбрать, но она велела отстать.

— Ты так искусственно двигаешься, как манекен. Ты что, не девочка? Ещё бы в балерины пошла! И перестань столько есть, если не хочешь стать толстой коровой, — сказала она, пока другим родители дарили цветы, конфеты, похвалы. Громко сказала. Голос у неё ещё такой красивый, контральто.

Я тогда так странно себя почувствовала, а спустя лет десять поняла: так ощущается желание убивать. Иронично, что в итоге не она от этого пострадала.

Мама вращалась в кругах людей взрослых и утончённых, а содержание такого домашнего животного, как я, было вынужденной мерой. Она редко готовила. Иногда я ужинала кашей, которую не умела варить. Под ночь она приходила, скидывала туфли в прихожей. От неё пахло ликёро-водочным магазином, и я чувствовала себя продезинфицированной, едва она переступала порог.

— Уроки сделала?

Это включалось воспитание. Не выполнив ни одного домашнего задания в жизни выше чем на тройку, отучившись на платном по знакомству (без домашних заданий и курсовых), она имела ясное представление о том, как надлежало учиться. Если я ложилась спать в десять или одиннадцать, это значило, что я плохо подготовилась к завтрашнему дню.

Ну и что, что первый класс. У нас был комендантский час для тех, кто не она. Для тех, кто, не дай бог, смел возвращаться не вовремя (позже 20:00) или прилагал недостаточные усилия к выполнению домашних заданий (и ложился рано). Обе категории граждан постигало наказание.

К сожалению, я была не слишком глупа и успевала сделать уроки до наступления глубокой ночи. Когда я дерзнула лечь раньше, на завтрак меня ждали крики и «Никакого сладкого!», что странно, так как запасами конфет заведовала исключительно она, и ни я, ни отец не подумали бы посягнуть на единственное, что периодически заставляло её молчать. Завтрак мне тоже не дали (мною же сделанные бутерброды), ибо «такой жирной корове это будет полезно». Следующие два дня я сидела допоздна, изучая ещё не пройденные уравнения и главы по истории, и раздумывала, как могу усовершенствовать ещё не приобретённые знания. Тогда мне даже в голову не приходило, что можно было просто сидеть и делать вид, что учишь, а самой читать книжку. Моя комната была ближе всего к ванной, и я стала засыпать под звук капящего белья...

На утро я проспала и не приготовила бутерброды — кроме меня, в доме никто готовить либо не умел, либо не смел. Кулинарные попытки отца были некогда растоптаны маминим красноречием, а сама она была способна только попасть яйцами в сковородку либо водой в чашку. Так все остались без завтрака, а мне хватило ума ляпнуть: «Зато я прошла

географию на четыре графы вперёд!» Мама дала мне пощечину.

— Только о себе думаешь, овца неблагодарная! Тебе ничего не нужно. Живёшь в своё удовольствие. Не жизнь, а приключение! Вся в отца, тот ещё эгоист! Мне что, теперь вам готовить?! Уроки она делала — только и делать, что уроки, с такой рожей! Завели тупую корову себе на голову! Никакой пользы от тебя! Ни копейки ещё не заработала...

С детства я мечтала эмигрировать или сходить к психологу. Говорят, это такой человек, который слушает и не осуждает. Я бы ему сказала: вся моя семья хочет умереть. Мама рассказывала, что когда-нибудь мы точно её доведём, а папа просто всегда молчал и никогда не смеялся. Ну, а я не хочу жить, раз жизнь такая отвратительная. Доктор, а вы бы что посоветовали — мост, петлю или яд? У нас в городе много мостов. Или, может, по литературной традиции, поезд?

Кто-то из родственников как-то пошутил, что у меня все шансы стать наркоманкой или алкоголичкой, но эта вакансия в нашей семье уже занята.

Мама считала, что самое эффективное воспитание — побольше ругать, пореже кормить, не пускать гулять. Ты должна делать уроки тщательнее, должна думать о будущем, должна поступить в престижный университет, не должна гулять по вечерам, не должна увлекаться мальчиками, не

должна слишком много времени уделять своему внешнему виду, но при этом должна хорошо выглядеть и не позорить её, должна уметь успевать всё, должна помогать семье — как нормальные, правильные девочки. Но ты... понятно, особенная.

Бесконечный список моих обязательств, часто противоречащих друг другу, расширялся с каждым днём. Мне казалось, что однажды мама подаст жалобу в какой-нибудь комитет ООН за нарушение пакта, который я не подписывала. Но пока она просто слушала советы из модных журналов и не хранила отрицательные эмоции в себе.

У неё были изящные очки для воскресений. Она надевала их и отправлялась изгонять пылинки из нашего немножкомнатного жилья. По натуре она была ленива, и я видела, что уборка доставляла ей почти физическое страдание, и иногда мне было её жалко. Пока я не научилась чувствовать вообще.

В один воскресный субботник, когда голод победил страх, я вышла на кухню и стала варить кашу. Готовить я не умела, да и до плиты как раз только начала доставать. Каша не удалась, но всё же казалась мне лучше голодной смерти. Вот японцы любят смерть, особенно героическую, от меча достойного врага. А от голода как-то непоэтично.

Мама стала разглядывать, что за дела творились на её кухне, а потом демонстративно позвонила подруге — рассказать, что вдобавок ко всем моим достоинствам я ещё и вол-

шебный повар и всё сожгла.

Мне снова пять

Частью воспитания были познавательные беседы на тему отвратительности меня, отца, окружающих. Не было и ку-сочка наших личностей, который бы её устраивал. Отца тогда уволили, он еле устроился на низкооплачиваемую работу, и мы вроде как не могли позволить себе излишеств. Он больше не мог потакать её капризам и выдавать деньги на журналы/сумки/платья/пирожные, которые она поглощала в избытке, пользуясь быстрым метаболизмом, который некогда, пожадничав, не передала по наследству мне. Мама кричала и кричала, что только она понимает, как на самом деле обстоят дела у нас в семье (то есть какие мы идиоты), что нам повезло, что есть хоть один здравомыслящий человек в доме (показывала пальцем на себя), но что мы не считаемся с её мнением, что она для нас — всё, а мы — ничего. И продолжала каждый вечер есть свои пирожные в прежних количествах, вознаграждая себя за тяжёлую жизнь в окружении идиотов нас.

В одном она была права: мы действительно были слишком разные, чтобы встречаться каждый день за одним столом, но она упорно нас собирала. Идиотов надо дисциплинировать.

— Ешь ножом и вилкой, — раздражённо говорила она мне. — Ты что, из деревни? Есть нормально не можешь! Ты

что ничего не ешь? Не оставляй ничего, ешь, сколько положили. Нет, добавки нельзя, посмотри на себя в зеркало. Ты же девочка, а жрёшь, как мужик! Кого я родила? — Она переключалась на отца: — Всё твои гены, она даже вилку нормально держать не может! У всех у вас руки из жопы растут! Что ты молчишь?! Скажи ей, чтобы не раздражала меня!

— Как вы мне надоели! — продолжала она, подкрепив силы заказной лазаньей. — Ненавижу вас! Всё для вас делаешь, а вы — ничего! Приходите как в ресторан! Всё вам подай-принеси!

Какой-то бес — ибо кто ещё это мог быть — подарил ей злой язык, и она благодарно им пользовалась. Отцу говорила, что он не мужчина вообще, слабовольный и ничтожный, не может содержать семью. Ей не нравилось в нём буквально всё — как он ходил, говорил, ел, не нравилась одежда, которую он носил. Как-то она отчитала его за одну из рубашек, забыв, что купила её сама.

Я тоже её вдохновляла: сижу неровно, жую громко, пью чай неинтеллигентно, слишком громко размешиваю сахар, мало ем, много ем. Она хотела, чтобы мы были машинами, идеальными, выполняющими все её пожелания и поручения. Слушая сказки в детстве, она, должно быть, решила брать пример не с золушек и принцесс, а с какой-нибудь страшной ведьмы. Один раз сделала что-то не так — надо шлёпнуть, второй раз сделала — убить.

Шесть

Эти знаменитые уловки: говорить, что все против тебя, строить из себя жертву, преувеличивать своё значение, любовью вопрос переводить на свою тяжёлую жизнь и всеобщее неуважение, грозиться что-то с собой сделать или уйти.

— Есть будешь? — кричала она неожиданно из кухни. — Нет?! А для кого я тогда готовлю? Горбачусь здесь для тебя целыми днями, а ты не ценишь!

— Тебе что, особое приглашение нужно? Может, ещё хочешь, чтобы тебе готовили отдельно? Сплошные капризы!

— Жри нормально, мне за тебя стыдно!

— Быстро села, а то потом будешь рассказывать, что тебя плохо кормят!

— Ты что, опять нажрала бока, посмотри на себя! В забегаловки, что ли, со своими шлюхами ходила?

Шлюхи — это мои подруги.

— Посоли, намажь маслом, ты что, не можешь есть как человек?

— Сколько ты себе положила, обожраться решила? Другим оставь, ты и так как свинья!

— А это кто доедать будет? Кому я готовила? Неблагодарная!

— Ты всё нарочно делаешь! Специально выводешь меня из себя! Довести меня хочешь, никаких нервов на вас не хватит! Да мне каждое утро повеситься хочется, как только вас

вижу! И как только я оказалась в этой семье? Ради тебя всё терплю! Чтобы ты в полной семье выросла! Как уйти от вас — вы же сдохнете! Вы же ничего не умеете! Как я вас ненавижу! — Так она оберегала меня от психологических травм.

Я потом подумала: интересно, а кубометры слёз в душе тоже записывали в счёт коммунальных услуг?

Отца мать не любила, хотя сомневаюсь, способна ли она вообще на это чувство. Она бросила его из-за несоответствия своему уровню. После развода он так больше и не женился. Она часто кричала, что когда-нибудь найдёт его мёртвым в сугробе или подворотне, а потом сделала так, чтобы это обязательно произошло.

Она любила читать мне антиалкогольные проповеди и радоваться, какой правильный выбор сделала, разведясь. Поднимала за это несколько бокалов. Как-то уже после развода не вернулась домой, а со мной тогда оставался папа. Он взял меня с собой, мы поехали её искать. Нашли в одном из баров, на коленях у злачного юнца. Папа вёл меня за руку, я была такого маленького роста, что меня не сразу заметили. Потом над нами долго смеялись, пока не сообразили, что мы её родственники. А сообразив, стали смеяться ещё громче. Какой-то противный, сальный мужик хотел ухватить меня за щёку, живот, ноги, пока папа спорил с ней. Я шлёпнула его по руке, он разозлился и замахнулся. Потом сделал вид, что даст пощёчину, но остановил руку в паре сантиметров от мо-

его лица, и все дико заржали. Мать в том числе.

Всю дорогу она кричала, что мы не даём ей жить. Папа просил её замолчать, она била его по лицу, голове, стучала по куртке руками, которые не слушались. Я видела, он хотел ударить её, отрезвить, но не стал. Хотя я считала, что она этого заслуживала. Я тогда сидела в углу заднего сиденья и плакала, а она закричала: «Успокой эту истеричку!» — и, неловко извернувшись, дала подзатыльник так, что я стукнулась о стекло. Пошла кровь, я стала плакать больше, а она начала орать, что от меня одна грязь и надо было сделать аборт ещё семь лет назад.

— Шесть, — сказала я.

Но если от отца ей тогда удалось избавиться, то от меня отвязаться было не так просто. Она растила меня красивой мебелью, но я не вышла фасадом. Неловкая, не соответствующая её стандартам девочка, слишком похожая на неудачника-отца. Она всегда хотела меня причесать, так как моя причёска казалась ей недостаточно аккуратной и модной, начинала рассказывать про то, что модно, и я даже забывала, что ненавижу её, думала, что мы подружмся, что она может быть чуткой, человекоподобной. У меня всегда было много глупых надежд.

Перед одним из моих выступлений она отвела меня к парикмахеру и попросила сделать каре. «Вы уверены?» — несколько раз спросила девушка-парикмахер. Так я оказа-

лась на натёртом полу танцевального зала в красивом платье и балетных туфлях, а на голове у меня торчали непослушные пряди, не кудрявые и не прямые, но не поддающиеся укладке, торчащие во все стороны. Когда мы начали танцевать, я несколько раз наступила партнёру на ногу, потому что не видела, куда иду, волосы лезли в глаза. В довершение всего я подвернула ногу, упала прямо посреди латиноамериканской композиции и танцпола. Нашу пару дисквалифицировали. Ещё я оторвала юбку платья так, что она продолжала держаться на каких-нибудь десяти сантиметрах шва, и стыдливо поковыляла за сцену, придерживая остатки ткани рукой. В зале смеялись, мама тоже.

Потом идея иметь в качестве семьи только бездарную меня показалась ей невыносимой, и она женила на себе «белого воротничка». «Потом» длилось пару месяцев. Мои ужимки и прыжки обесценились ещё больше, и я выгонялась из дома к соседям, чтобы они могли побыть одни. «Что вы там делаете?» — спросила однажды глупая я, а мама в пеньюаре сказала: «Тебе ещё рано знать» — и закрыла дверь.

Она быстро родила себе другую дочь. Меня понизили до секретарши: принеси, налей, подай, — а платили традиционно конструктивной критикой. «Воротничок» покупал маме шубы, смеялся над её шутками про непутевую меня и искал всё лучшее для новорождённой. Мы с ним быстро друг друга возненавидели.

Отец говорил, что надо танцевать, раз получается. Когда я была совсем маленькая, мы с ним ходили в кино на несколько сеансов подряд, а потом ели в закусочных, где запрещала есть мама. Было весело. Потом он сильно сдал, с работой не ладилось, да и меня больше не надо было учить плохому.

После развода он работал где придётся, уставал и не хотел показываться мне в плохой форме. Я — аналогично. Мы стали видеться всё реже, последний раз на похоронах. Сердечный приступ. Хотя мать знала, конечно, лучше: «Допился!»

После папиной смерти она часами перемывала ему кости со своей матерью, по телефону или за кухонным столом. «От неё тоже непонятно, чего ждать, ещё в подоле принесёт или сопьётся», — говорили они про меня, да погромче. Я тогда колотила кулаками стену в соседней комнате, пока не появится кровь, и мечтала, что отомщу.

Мне долго было очень грустно, и я ещё не знала, что у взрослых это называется депрессией. Я приняла первое в жизни серьёзное решение: бросить танцы. Ведь всё, что мы делаем, должно иметь какую-то цель, а зачем делать, если это никому не нужно? Каждый чёртов день я вставала и думала: ну вот, опять. Опять жить. Когда уже это закончится?

Я резала руки ножом для бумаги, но никогда не доводила дело до конца. Думала, что папа не одобрил бы. Пробовала один раз кухонным ножом, но оказалось неудобно — уж

очень он был тяжёлый и тупой. Стало противно и больно, а кровь всё не шла.

Я звонила бабушке, папиной маме, спрашивала, как у неё дела, а она всё время торопилась, куда-то бежала. Ей было не до меня, у неё имелись и другие внуки, от папиной сестры. Я им завидовала. Бабушка — простая крестьянка с луковыми грядками и добрым сердцем. Ей было не всё равно. Но и у неё была какая-то своя, не касающаяся меня жизнь.

На фоне прекращения тренировок мой организм решил наверстать упущенное. Я ела всё, что раньше было не дозволено, и мне становилось хорошо и спокойно. С едой было гораздо легче терпеть всеобщее «всё равно».

Мама поначалу пыталась вернуть меня в секцию, но я упиралась всеми ногами. Потом она пробовала установить мне рамки, кормить полезным и по расписанию. Ха, она даже дерзнула проверять мои домашние задания! Но как-то у неё с этим не заладилось, как и со всем, что касалось меня. В итоге она сдалась, ведь у неё были другие дела.

Мы редко виделись, ели в разное время и старались как можно меньше разговаривать. «Вы имеете право хранить молчание. Всё сказанное вами может быть использовано против вас». У нас в квартире, как в послевоенные годы, был двухполюсный мир, где мы пытались мирно сосуществовать.

— Вот ещё вздумала, бросить танцы! Тебе наплевать, как я чувствую себя в обществе! — говорила она. — Жрёшь по-

стоянно, они смотрят на меня как на мать безвольной толстухи! И не воспринимают меня всерьёз! Ты равнодушная! Ничего для меня не делаешь! Тебе должно быть стыдно!

Тогда я не знала, что не всему, что говорят мамы, нужно верить. А верила я всему без разбора. И тому, что учителя рассказывали про деление клеток, и как одноклассники оценивали мою внешность. В детстве меня часто навещала мысль, что меня удочерили. Или что мою настоящую маму похитили инопланетяне, а эту прислали взамен. Но что-то от неё во мне всё-таки было: мне тоже нравились красивые люди, и за неимением красоты у себя я пыталась это восполнить через окружение.

Четырнадцать

В школе у меня была подруга Кристина. Мы жили в соседних домах, наши мамы были знакомы, и мы знали друг друга с детства. Мы были не разлей вода, по полдня гуляли вместе (особенно когда меня деликатно выставляли за дверь), а когда приходили домой, созванивались и болтали по несколько часов. Учились в одном классе, и учителя даже разрешали нам сидеть за одной партой.

Но, к сожалению, мы выросли. Лет до четырнадцати я даже не задумывалась о красоте. Да, мама говорила, что я толстая, но разве это проблема, думала я. Ну, полновата, с кем не бывает, можно похудеть. И вообще я ещё ребёнок, «расту-

щий организм», как говорила бабушка, мне надо расти, есть!

А вот Кристина была идеально стройна и ела без конца... Первое, второе, третье, десерт — и ничего! У неё были слегка выющиеся светлые волосы, большие голубые глаза — всё это отлично гармонировало с худобой. В классе седьмом-восьмом мы все стали стремительно расти, кто-то вверх, я вширь. Кристина была миниатюрной, миловидной, начала краситься, а мальчики — предпринимать неловкие попытки флирта. Я гордилась, что у меня такая подруга. А когда я её звала домой, мама разговаривала с ней серьёзно, как с взрослой, и забывала обо мне. Мне только это и было нужно, ради этого минутного спокойствия я могла и потерпеть последующие «Посмотри на Кристину, как она хорошо выглядит/одевается/подаёт себя, не то что ты!».

Сама я тогда начала носить очки, которые мне, как я думала, шли. Потихоньку выросла до метра семидесяти, мне нравилось быть высокой, но вот стремительно появляющиеся округлости умаляли мою радость. Это не входило в мои планы. Я не понимала, что со мной происходит. Я хотела быть худой, незаметной, прятаться за швабру... Смотрела на Кристину, на других — худые, тонкие, полупрозрачные.

Но тогда я была уверена, что мы все безобидные дети, все разные, зачем с кем-то себя сравнивать? Да, мама не считает меня красивой, но может, кто-то другой посчитает? Я даже решила позвать гулять мальчика, который мне нравился. Его звали Даня, он сидел на последней парте, был высоким

спортсменом, много смеялся и нравился всем без исключения, даже учителям. С тех пор, как он пришёл в наш класс, я старалась чаще проходить мимо его места (я сидела на первой парте, потому что была слепее Поттера), но безрезультатно.

Кристина постоянно спрашивала меня, почему я ни с кем не гуляю, у неё-то поклонников было хоть отбавляй, она даже жаловалась, что не успевает встречаться со всеми, и предлагала поделиться. Но я всё ей прощала, потому что была очарована и верила в благородство красивых людей (считая маму печальным исключением). Я рассказала ей про свои неловкие попытки обратить на себя внимание Дани. Кристина внимательно выслушала и посоветовала действовать.

— Пригласи его сама погулять после школы, — участливо предложила она.

Пару дней я мучилась от нерешительности, а потом Кристина заболела, и ко мне подсадили Даню. Лучше бы я сама заболела в тот день.

Я не успела опомниться, как он бросил на парту свою неопрятную тетрадь, тут же попросил у меня ручку. Я сидела весь урок как на иголках. Старательно делала вид, что ничего не происходит, что никто мне не нравится и вообще я увлечена решением уравнений. В конце урока я небрежно (как мне казалось) спросила его:

— Может... погуляем после школы?

— С такой уродиной? — ответил он громко и засмеялся

на весь класс.

Когда я позвонила Кристине вечером, она почти ничего не сказала. Долго молчала. Я подумала, как же сильно она болеет. А когда она пришла в школу на следующий день, то села почему-то за последнюю парту. При встрече сдержанно здоровалась и проходила мимо. Потом я видела, как они с Даней держались за руки, а когда увидели меня, громко засмеялись.

Если раньше я была обычной невидимой мышью в очках, то теперь очень даже видимой и некрасивой. Эта добавочная стоимость мне не очень нравилась. По дороге домой я думала, как себя ненавижу. Почему я не Кристина, почему такая, какая я есть? Ей бы никто не посмел сказать такое. Она была не красавица, но её миловидности, обожасмой мальчишками, и непринуждённого обаяния хватало для того, чтобы ей всё сходило с рук. Она была так самовлюблена, что и другие верили в её восхитительность. Где учат любить себя, господа? Дайте адрес, что ли.

Тем временем дома меня ждала любящая мать.

— Что с лицом? Нечего мне тут рожи корчить. Опять чем-то недовольна?

— Со мной Кристина не разговаривает, — по глупости рассказала я.

— И правильно, ты ей не подходишь. Ты себя в зеркало видела?

«Толстая корова», — говорили ее глаза. Она тяжело вздыхала, даже если заставляла меня с яблоком в руке или просто в радиусе кухни. Когда я входила в комнату, они с «белым воротничком» демонстративно смотрели программы про худеющих или пластическую хирургию и с серьёзными лицами обсуждали, как же мне «помочь».

В тот вечер мама больше не обращала на меня внимания, и слава богу. Я закрылась в своей комнате, легла на кровать и погасила свет. Я бы и рада поплакать, только как-то не получалось. Я стала думать, что со мной не так. Ночью мне снилась Кристина, она хохотала и тыкала в меня пальцем. И Даня там был, смеялся вместе с ней.

После этого я стала знаменитостью. Но за этот титул никто не хотел со мной соревноваться.

— Смотри, какие очки!

— Зато какая задница, как она только помещается на стул!

— Вот это сиськи, а ей точно четырнадцать?

Девчачьи, мальчишечьи, даже учительские пары глаз поглядывали на меня исподлобья, сверху вниз и обратно. На меня, потом на телефон. Было чувство, что меня раздевают.

В золотой век нашей дружбы мы с Кристиной фотографировались в купальниках у меня дома, болтали про надвигающиеся каникулы. Она разубеждала меня, говорила, что я совсем не толстая, что вот такой фасон купальника мне пойдёт. Я надевала, она фотографировала, показывала мне. Мне

даже не пришло в голову попросить её удалить что-то. Там была я одна, была и с ней — чтобы был виден масштаб трагедии. И виден он был теперь всем.

Я быстро выросла, и мать часто приходила пораньше, чтобы неожиданно застать меня за чем-то развратным. По её меркам, я должна была обязательно кого-то водить в дом. И когда она так врывалась, не предупредив, а я мыла посуду вместо того, чтобы прятать в шкаф малолетних (или сорокалетних) ухажёров, неоправданные ожидания злили её ещё больше.

Я стала играть в баскетбол, надеясь избавиться от ненавистных женственных форм и килограммов. Играла не очень хорошо, но так можно было отвлечься. У меня плохо получалось сформулировать, что я чувствовала, однако эти чувства мне точно не нравились. В школе один мальчик нюхал газ и умер. Никто точно не знал, случайность это или нет. «А ведь это выход», — подумала я. Но я не знала, где достать газ, поэтому решила запретить себе чувствовать. Нет чувств, нет проблемы.

Пятнадцать

— Хорошая ночь!.. — послышалось сзади.

Дело было на крыше. Я робко пыталась покончить с собой. Весенний ветер услужливо подул в спину.

— Тихая, ясная! — не унимался голос. — Звёзды какие! Видно, завтра хороший день будет.

Я сделала шаг назад. Поёжилась. Что ему надо, этому незнакомцу? Оглядела — мужчина неопределённых средних лет, сигарета. Курит, наслаждается огоньками вдали. Как будто и нет меня.

— Вы любите театр? — спрашивает.

— Театр? Вы кто?

— Да я на пятнадцатом живу, сюда гулять прихожу. А тут вижу — ты... делом занимаешься! — сказал он шершавым голосом, как у старого кота, ухмыльнулся и подмигнул.

У него были лысеющие виски, щетина, тренировочные штаны.

— Ну так что с театром?

— Я люблю театр, — ответила я, чтобы отвязаться.

— Да ладно! — устало махнул рукой мужик. — Все так говорят. «Я люблю искусство, театр, литературу...» А кто-то из них на самом деле любит? Да что в твоём возрасте ещё можно любить? И как? Только так, ради приличия, мол, смотрите на меня, я тоже, как вы, человек! Тоже люблю, что другие любят. Да ты была хоть в нём, театре-то?

— Была.

— И понравилось?

— Нет, — нахмурив брови, припомнила я.

— А что смотрели?

— «Мёртвые души»...

— Вот видишь, а говоришь — люблю! Любить ещё научиться надо. А вообще, театр... Я тоже его не люблю. Не понимаю. Ну ладно, — мужик затушил сигарету, подошёл к краю крыши. — Ты, наверное, прыгать собралась? А я тут отвлекаю...

Далеко внизу залилась в истерике сирена.

— А чего прыгаешь? Ещё не разобралась, что любишь, что нет, а уже... Эх... И что так? Жить тяжело? Ты расскажи, я, может, это... — хихикнул мужик, — компанию тебе составлю.

Не буду отвечать, подумала я.

— Жить не хочешь? А что, погода не нравится? Утром рано вставать? Задают много? Мама любить меньше стала?

— Не надо издеваться! В любом возрасте можно быть несчастным, — с важным видом произнесла я.

— Ну, можно-то оно можно! — вздохнул мужик. — А можно и не быть. Вот ты, например, театр не любишь. А его люди делают, декорации там, репетиции... Актёры целую историю умудряются рассказать. А такие, как ты, приходят и говорят: не нравится! Или наоборот. А понимают они? То есть вы? Понимаете, что там такое в глубине запрянуто? В каждом спектакле? В каждой реплике? В каждом бутафорском яблоке на столе? Не знаете. А уже говорите, мол, нравится — не нравится.

— А что там? В яблоке?

— Э, нет! Это надо садиться в зал и смотреть. А так тебе

любой дурак на улице скажет, что там за смысл, а там его и нет, может. У каждого своя правда. Внутри она. Вот её и надо понять.

— А как? — Переступаю с ноги на ногу. Холодает. Пижама ещё эта дурацкая, с зайцем. Надо было попримечнее одеться, что ли. Дело всё-таки важное, один раз в жизни бывает.

— Ну, как-как... Путём проб и ошибок, так сказать, — ухмыльнулись усы мужика.

— А вы поняли?

— И да и нет... Понял, что достаточно мне... Хватит и того, что уже понято.

— И не ходите в театр?

Мужик долго и хитро посмотрел вдаль.

— Нет, не хожу.

— И не любите?

— Театр? Нет, не люблю. Эх, ладно! Поздно уже. Вставать завтра рано. Пойду я. А, и я... вроде как в спектакле играю... Ты если надумаешь, заходи. Спокойной... Ах, да, ты же не... Ну, ты там поосторожнее. — Мужик кивнул на край крыши и пошагал прочь.

Такой странный, усатый, пришёл и разрушил весь настрой. Я вспомнила, почему поднялась сюда. Почему так больно? Почему никто не слушает? Все что-то знают, но никто не рассказывает. Зачем это всё? Тело это меняется. Очень страшно и непонятно. Почему все злые? Зачем взрос-

леть, если тут всё так плохо, во взрослом мире? Всё хуже и хуже? Зачем взрослеть, если мы все умрём? Почему кто-то стоит ночью на крыше, а кто-то обнимается у подъезда? Кто-то задаёт вопросы, а кто-то просто живёт?

Шестнадцать

Сестру назвали Виктория, чтобы она не повторила судьбу неудачников с банальными именами. Их счастье было такое показное, что даже неприличное. Все суеились вокруг неё, маленького человека, который ещё ничего из себя не представлял и не будет представлять, если его как следует избаловать. Их воспитание заключалось в том, чтобы говорить Вике утром и вечером, какая она красивая и умная, а остальные положительные качества должны были приложиться сами собой.

Сестра унаследовала от мамы худощавое телосложение и чрезмерное самолюбие. Маленькая она была лучше, но потом её испортили подарками и лаской. Она любила капризничать, выпрашивать, закатывать глаза. Быстро стало ясно, что она вырастет «настоящей женщиной», по всем стандартам матери.

Разбитые вазы и испачканные платья ей прощались. Отец был рад купить что угодно, выполнить любую просьбу. На дни рождения дарил ей самые красивые и экзотические цветы, заказывал самые дорогие торты. Мне кажется, если бы

она попросила его купить ей слона, или крокодила, или подводную лодку, он бы всё сделал, лишь бы это было в пределах его финансовых возможностей.

Она была красива той сладко-приторной красотой, когда смотришь на неё — и вроде глаз не оторвать, но и зацепиться не за что. У неё были довольно примитивные, но гармоничные черты лица, вздёрнутый капризный нос, небольшие губы бантиком, небольшие глаза — всё в меру.

И как её ни превозносили, она была всё равно обычным ребенком, которого нужно было учить ходить, говорить, читать, который часто болел и плакал, — и в эти минуты с ней была я, ибо должна быть в доме хоть какая-то мать.

К десяти годам сестрица отрастила волосы до середины спины, а у меня за спиной были три года суицидальных планов. Волосы у неё были тёмно-русые, идеально прямые. Мама водила её на недели мод, покупала ей дорогие платья, которые она носила с достоинством, несмотря на свой ещё несознательный возраст. В такие дни они шумно собирались, смеялись, потом надолго уходили, а когда возвращались, подолгу пили чай и обсуждали насыщенный день. Ей было хорошо, она почти не пила.

Иногда я нарочно нарушала их идиллию. Когда Вика только родилась и мама бегала вокруг неё, я стала драться в школе. Маму вызывали в школу, она негодовала, но не ходила. Училась я, как назло, хорошо, но рассказывала ей только про оценки ниже пятерок — пусть мучается. Я требовала слиш-

ком многого (замечать меня), и вскоре она перестала это делать. Даже перестала попрекать меня лишним весом.

Когда я оканчивала школу, они предложили мне пожить одной под предлогом того, что пришло время учиться самостоятельности. Просто отселим её куда подальше, придумали они с «белым воротничком». Так Вике досталась моя комната с недурным видом из окна. А у меня начинались лучшие годы моей жизни, ещё лучше, чем прежде.

Восемнадцать

Я сидела на жёстком стуле и думала, что же мне теперь делать. Я только пришла с выпускного. Вокруг меня — пустая квартира, коробки с вещами по стенам. Рассветало. Знаете, что делают страшные девочки по окончании школы? Конечно, плачут! У меня не было перспектив, не было друзей, самооценки. У меня отклеивались обои! Всё было против меня! Меня полнило чёрное платье, функция которого — стройнить!

Дарить мне подарки — вот это было особое развлечение. Когда мне исполнилось десять, «белый воротничок» принёс красивую коробку с маленьким бантом. Я обрадовалась, бросилась её открывать, потому что ещё верила людям. Там лежало красивое переливчатое платье цвета морской волны. Я его поблагодарила. Он сказал: «Примерь».

Платье было мне безнадежно мало. Я боялась натягивать

его дальше, потому что могла порвать. Подумала: он ошибся с размером, с кем не бывает... Принесла платье обратно, сказала, какое оно красивое, но я не могу его принять. Он как-то криво улыбнулся и вышел, ничего не сказав. А потом они с мамой сильно смеялись в соседней комнате.

В детстве я смеялась над тем, как же много наплакала Алиса в мультфильме, а теперь сама ревела без конца. Хорошо, допустим, я толстая, некрасивая, говорила я себе. Надо это принять и двигаться дальше. Кем я хочу быть? Что умею делать? «Ты умеешь жрать», — подсказывало подсознание, и я снова ревела в утренней тишине.

«Меня зовут Маша, и у меня комплекс великих дел!» — так началась бы моя история в клубе каких-нибудь анонимных ...голиков. «Здравствуй, Маша!» Меня всегда удручало, что я не Ленин и не Толстой, а только одно большое ХОЧУ, когда хочется подвигов, а силёнок мало. Всегда было стыдно за мою никчёмность, внешность и бесталанность — это самоощущение всегда со мной, вернее собаки, которой у меня никогда не было. Такое стремление не жить мирно со своими мелкими делишками, замужем за преуспевающим мужчиной, как хотела мать, а этим успешным мужчиной быть. Женщина — это такое украшение мужчины, аксессуар, который умеет готовить и продолжать род, говорила она. А я хотела быть в телевизоре. Но у меня не было талантов, было лишь тщеславие, которое с годами только разрасталось, всё больше и больше, больше меня...

Меня ни разу не сбивала машина, я ни разу не тонула, самолёт мой не падал, я не была во взорванном вагоне — и из этого делала вывод, что фатум хочет, чтобы я как можно дольше топталась на этой Земле. Значит, я могу сделать что-то великолепное. Иначе зачем жить?

Лет с пяти я начала задавать себе вечные вопросы и с тех пор не могу остановиться. Я думала: вот если я умру рано, это просто бесполезный человек умрёт? Или я не успею сделать что-то выдающееся? Что-то сделать для своего бессмертия — вот моя формула смысла жизни.

А потом я спрашивала: достойна ли я, злой, недовольный ребёнок, красивой жизни? Кожаного дивана? Красивого пальто? Как будто всё сомнение мира по какому-то странному наследству перешло мне. И с годами это стало только «глубже и изощрённее», как написано в учебниках по истории про контроль над обществом в Советской России. На мне, наверное, проклятие. Проклятие познания добра, зла и себя. Фёдор Михайлович меня бы понял.

Я никогда не находила себе места. То хотела изменить мир, то вдруг не хотелось ни к чему стремиться, вегетососудистая дистония души. Но все искали себя, и я искала. Кто я, фермер? Или, может, кассир? Хотелось называться гордо, вроде «Я хирург, я спасаю жизни» или «Божественный актер». Я завидовала тем, кто не искал ни себя, ни призвание. Тем самым, которые живут ради самой жизни, наслаждаются каждым днём. Тем, которые смеются в тридцать два зуба

из-за прозрачных стен кафе, ходят на концерты вечером по будням и на свидания по выходным. Умеют жить. Но каждому своё.

Мне всегда было сложно жить в Москве, но выбора у меня не было, я здесь родилась. Если вы имеете понятие о родине и некогда испытывали причастность к какой-то части земного шара, я вас поздравляю. Я вот не люблю Москву, она много требует, такая быстрая, громкая, современная, я устала бежать ещё в детстве. Я не успеваю. Здесь действует правило Чёрной Королевы: «Приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Ну, а если хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать, по меньшей мере, вдвое быстрее!» Я очень уважаю и люблю Россию. И очень хочу уехать отсюда навсегда.

Даже маленькой я не чувствовала, как Москва огромна. За восемнадцать лет я не обошла и половины города! Одна Третьяковская галерея чего стоит: её мне не удалось обойти целиком, даже если восторг от картин оставался со мной дольше физических сил. Территория — её у нас слишком много. И мы, русские, полжизни ищем себя в широкой средней полосе.

Говорили мне: путешествуй! Нет, спасибо. Путешествуйте сами. Я возвращалась из пары отпусков («Вике нужно на море») и чувствовала себя вырванной из контекста. Куда идти, что делать? За границей всё по-другому, ты чужой и свободный, а тут снова права, обязанности, социальные роли.

Или завоёвывай общество — или снова плакать в печенье.

Говорили: просто поверь в себя! Но у нас в стране верить можно только в Бога.

Говорили: искусство! Но я плохой ценитель прекрасного. С настоящим искусством нелегко тягаться, а быть ленивым потребителем я не могу. Да и какое творчество без чувств? Но я люблю требовать от себя невозможного. Планка перфекциониста у меня высока, на ней и повешусь в один прекрасный день.

Мне нравятся, например, горы. Они у меня в крови. Там я чувствую себя как дома. В каком-то затерянном детстве, когда я была ещё худой и достойной маминого общества, мы с ней ездили на лошадиную ферму высоко в горах. Это было в Турции. Больше всего я запомнила лошадей и счастливых детей постарше, которым разрешили кататься самостоятельно.

— Ты упадёшь, а у тебя скоро соревнования, — сказала мне мама.

В этот момент я разлюбила танцы.

Там были сосны, эвкалипты, египетские розы, фиолетовые акации. Зелёные горы, как будто присыпанные глазурию, окружали со всех сторон. Хотелось посмотреть на них с высоты лошади. И я цеплялась за изгородь и тянула нос вверх, к прекрасному.

— Поехали отсюда, я устала, слезай, — дёрнула меня за руку мама.

Она думала, что знала о прекрасном всё. Что платье от Valentino давало ей право судить, что красиво, а что нет. Красивая, она была «сосуд, в котором пустота». Её видение мира сужалось ровно до того, что ей было нужно в данный момент, чтобы удовлетворить свои потребности сытого человека. Ей с детства всё было дано: ласка, поддержка, право выбора. Она захотела быть дизайнером — и стала им без каких-либо препятствий со стороны родителей или судьбы. Она никогда не слышала слова «нет».

Но вот она стояла там, со мной, и ничего не видела, ничего не понимала, у неё не захватывало дух. Мы спускались по горным тропинкам и видели внизу синие лужицы озёр в яркой зелени. Это были не городские воды Босфора, а настоящее, что бывает только в сказках, что хотелось унести с собой, не потерять. Всё прекрасное, мне кажется, должно быть простым. Вот природа сама по себе искусство, и не надо придумывать никакой абстракционизм, никаких картин, написанных хвостом чьего-то кота.

Это было длинное, мучительное утро. Я понимала, что не знаю, чего хочу, и это было по-подростковому стыдно. Меня всю жизнь мучили фантомные боли по старшей сестре или брату, которых я могла бы спросить, что делать. Ведь такой выбор только логическими цепочками не сделать, надо сердцем, а оно у меня выполняет функцию идеального насоса и советов не даёт. Поэтому действует метод проб и ошибок,

долгий, как трансатлантический перелёт.

В детстве я думала, что буду как бабушка — портнихой, то есть модельером на современном языке. Но даже у кукол, которым я шила платья из старых носков, на глаза наворачивались слёзы. Потом я подумывала о карьере актрисы — думала серьёзно и регулярно, видимо, визуализировала эту самую карьеру. Следующим летом я решила, что я писатель, и начала думать, чем буду поражать. Конечно же, историей о трагизме большого города. Я завидовала авторам восемнадцатого и девятнадцатого веков, им было достаточно описать вид из окна, будь то грязные улицы Парижа или цветущие сады Англии. Но что-то мне подсказывало, что, родись я в Париже восемнадцатого века, я бы всё равно не написала ничего стоящего.

Спустя какое-то время стремление быть полезной людям привело меня на день открытых дверей в медицинский. Я прониклась историями больных с зависимостями, читала про абстинентный синдром, перестала прогуливать биологию в школе. Потом решила осуществить детскую мечту быть кассиром. В магазине одежды я каждый день прикасалась к прекрасному: к деньгам и непосредственно к вещам. Но потом тщеславие во мне восторжествовало, и я пошла поступать в МГУ. К тому моменту судьбе уже стало тошно от моих метаний, и она не позволила мне влиться в привилегированные ломоносовские круги.

Был отвратительно солнечный август. Я отнесла докумен-

ты в мою будущую альма-матер — и мне стало страшно. Озабоченные девочки с родителями выходили из приёмной комиссии. Озабоченные, худые девочки. Я же приду толстая, никчёмная. Я так не хотела.

Жизнь моей мечты

Как все люди с драмой, я видела перед собой два возможных сценария: добиться головокружительных успехов или умереть. Я была уверена: если докажу обществу, что я чего-то стою, то поверю в это сама. Решила сделать себе красивую жизнь, так как быть по ту сторону зависти уже надоело. Интересно было узнать, как это, чувствовать себя нормальным человеком? Радоваться жизни? Кофе из стакана пить?

Нас научили биологии, физике, даже латыни, но такого предмета, как «успешная жизнь», нигде не было. Не учили, как поднимать самооценку с колен и что отвечать пьющей матери, чтобы в тебя не полетела бутылка.

Я стала наблюдать за успешными, уверенными в себе людьми и всё больше удивлялась. Как они эмоционально бедны! Как нетревожно живут, если родственники их поддерживают и помогают, никаких сомнений, метаний... Захотел принять решение — принял! Захотел поесть — поел. Никакой драмы, скучно.

Вряд ли им знакомо понятие романтического двоемирия, о котором рассказывают на уроках литературы. Когда хо-

чешь другого, изысканнее и лучше, а обстоятельства не пускают. И ты сидишь, толстый и грустный, и плачешь в коробку дешёвого печенья. Хочешь не реветь от бессилия, а беспечно жить и красиво.

А если сильно захотеть, очень сложно расхотеть.

У мамы было странное представление о совершенствовании меня. Я была первым блином, который комом, и она с утра до вечера полировала мою самооценку. И сейчас, спустя годы, когда я уже в расцвете своих 21-летних сил, со знанием трёх языков, нервным истощением и всё ещё без самооценки, мама интересуется, как мои дела. Говорю: диплом пишу. Теперь, когда ушли мои килограммы, она даже стала мной интересоваться. А я говорю: нет-нет, я лучше дома, с витаминами и чаем полежу, я, знаете ли, слаба — устала от красивой жизни.

Но обо всём по порядку.

Срочно надо было завоёвывать общественное мнение. В университете меня никто не знал, идеально. Я достигла таких успехов в подавлении депрессии, что не всегда уверена, что она у меня есть. Обманывала в школе, обману и здесь.

Инязовский образ жизни отлично способствовал похудению, обморокам и нервным срывам — то есть приведению меня в достойное стройное состояние. У меня были кое-какие деньги. Я никогда не тратила то, что дарили родствен-

ники, для которых мы изображали идеальную семью, а лично я — скромницу с благопристойными планами на жизнь. Таким не жалко подарить денег, всё равно не потратят неразумно.

Мы учились в старом здании, похожем на Хогвартс, особенно по субботам, когда в коридорах не горел свет. В здании с гордым именем коммуниста Тореза. По статистике, 82% россиян не говорят на одном иностранном языке, так вот мы пытались это за всех исправить.

Традиционное мнение о девушках-филологах не совсем соответствует действительности: здесь учатся не только серые чулки без макияжа и планов на будущее. Да и вообще, лингвист и филолог — две большие разницы. Филолог любит язык, книги и свою кошку, а лингвист суров и любит спать. Он интеллигентен ровно настолько, чтобы уметь обо всём пошутить. Его чувство юмора не знает ни языковых, ни иных барьеров. С удачной шуткой можно выйти победителем из любой ситуации — а ведь это самое главное в жизни гуманитария.

Но и лингвисты бывают разные. Энтузиасты хотят во всём себя попробовать: и преподавать, и переводить, и провинции исследовать, пасти с англичанами коров. Жадные лингвисты набирают побольше языков и невпопад переключаются с французского на итальянский. Работающие учат детей и живут довольно скромно, часто замужем и с добрым псом. Ещё есть счастливики — они ездят на стажировки, пока я

утешаю себя тем, что учусь в Москве, куда тоже много кто рвётся.

В общем, все счастливые лингвисты похожи друг на друга, а каждый несчастный несчастен по-своему.

Но было и горе, которое нас объединяло: домашние задания. Щедрые, которые были совсем уже не домашние, но также трамвайные, маршруточные и электричные. Их было так много, что дёргался третий глаз. Иногда мы прогуливали, чтобы успеть сделать больше. На Новый год просили у Деда Мороза свободное время. И да, в него мы верили больше, чем в себя.

Долгая дорога до университета имела свои преимущества. Пока граждане изучали карту метро, переговаривались или спали, мы делали задания на сегодня, завтра и вчера. Самая долгая дорога вела в жёлтое кирпичное здание, похожее на лепрозорий. Там можно было вешать табличку «Обратного пути не будет, мистер Фродо!» — вот какое это было место.

Чего только университет не делал, чтобы закалить слабый девчачий дух! Ставил нам неудобные языки и расписание, уроки физкультурных пыток в лесу. Если верить слухам, которые мы и придумали, там действительно обитали таинственные твари. А в агонии человеку нужна вера хоть во что-то.

Два пруда в лесу рядом с лепрозорием отнюдь не были украшением окрестностей, это была наша спортивная площадка. Под присмотром преподавателя, который провёл по-

следние годы, работая с заключёнными в полосатом (это тоже мы придумали, но было очень похоже на правду), мы в радости и в горе укрепляли волю и что угодно ещё, только не здоровье. Каждому ставились баллы, и дороже всего стоили занятия в дождь, снегопад, грозу. Очень хотелось спросить: а если я умру тут же, на тропинке у пруда, поставите автоматом пятёрку?

Однако была физкультура и в начищенном до блеска зале. Но мы предпочли бы бежать по льду у прудов, чем встретиться лишний раз с дамой, которая валяла нас по полу (возвращаясь к вопросу чистоты) и ставила эксперименты на наших хрупких лингвистических телах.

На первом курсе казалось, что мы все умрем прямо там, не дожив до конца пары, но напряжение первого года спало, и мы стали ходить куда-то, к нам вернулись хобби, прошёл нервный тик. Я вспомнила, что хотела строить какую-то там успешную жизнь.

Второй год порадовал нас сполна. Ощущение себя лошады, запряжённой в плуг, стало привычным, почти приятным. В июне мы по традиции страдали от несправедливой сессии. Мне и моим соратницам достался могучий французский язык. Одна за другой мы выходили из аудитории с дрожащими руками. Преподавательница говорила: «У вас всё хорошо, но вы всё равно приходите в сентябре!» — и махала приветливо ручкой.

Я как раз делилась впечатлениями после неожиданной для меня тройки. Теперь-то я знала, что перебежавший дорогу эксгибиционист портит день хуже всякой кошки.

— Что ты, это же просто люди! — учила меня одnogруппница Катя деликатно врать экзаменаторам. — Смотри на них глазами, полными знаний, и они поверят!

Советы она умела давать чрезвычайно дельные. К ним ещё было бы неплохо прилагать инструкцию по применению.

Я пока была не очень убедительна в вранье экзаменаторам, поэтому пыталась списывать. Из этого вышла забавная и грустная история. Был у нас один предмет, просто дивный, смесь психологии и педагогики, а преподаватель и вообще единственный в своём роде. Никто, кроме него, не додумался бы отчитывать беременную девушку за то, что ей нужно выйти во время пары.

Этого человека я и вздумала обмануть. На экзамене он настоятельно советовал не списывать и не быть в короткой юбке. Но мы же знали, что в этой стране нельзя ничему верить. И так как перспектива очаровывать и соблазнять мне не нравилась, учить — тоже, оставался один вариант.

Вообще-то я гордилась своей репутацией списывальщицы, делала внушительные шаги по этой карьерной лестнице ещё в школе. Но в тот день карьера моя закончилась раньше срока вместе с экзаменом. Товарищ преподаватель встал и попросил меня встать тоже. Дальше мы с телефоном уже

выходили из аудитории выслушивать сочувствия коллег. Но они, как настоящие друзья, не бросили меня в беде. Передающих у нас было четверо.

Потом по университету ходили легенды о том, что мы все пришли на экзамен в коротких юбках. Наглая ложь! С моими ногами в юбке я себя даже в магазин не пускаю, чтобы не пугать честных граждан. Но мне нравилось, что о нас говорили, подходили и спрашивали тихим голосом, что случилось. Но в МГЛУ всегда много забот, и скоро о нас забыли. *Sic transit gloria mundi*.

Осенью мы ехали на передачу в автобусе и в скорби. Из неё нас вытащила Катя, которая тоже, к удивлению всех, не сдала.

— Может, он умер? — буднично предположила она. На передачу мы приехали в наилучшем расположении духа.

Гигиенично ли смывать макияж слезами зависти? Никогда не любила людей, у которых всё получается. Что и какому дьяволу они продали? Я бы тоже что-нибудь продала — медаль золотую или сестру. Нет, меня вдохновляют талантливые люди, но всё-таки лучше, если они не ходят с тобой в один университет. Вдохновляться на расстоянии — это можно.

«Но зачем же на расстоянии?» — подумала Вселенная. Катя, которая ничего не боялась, ходила на все пары. У всех три за контрольную по французскому, у Кати пять. Зло мол-

чим. Ну, хотя бы жизнь у неё неинтересная, на том спасибо. Ещё Настя, как из рекламы шампуня, приходила редко, но всегда была в центре внимания. Ей и язык достался не как всем, а итальянский, единственная группа, которую дважды отправляли на стажировки в страну изучаемого языка. Языки университет раздавал хаотично, и её везению оставалось только завидовать. Особенно тем, кому хотелось чего-то мелодичного, а приходилось скрежетать на немецком. А я просто не любила язык Мольера, потому что не понимаю ни французского менталитета, ни зачем придумывать столько букв, чтобы половину не произносить.

И как только Настю угораздило вступить в наши ряды? Она красиво смеялась, делала вид, что внимательно слушает, повторяла последние два слова твоей фразы. В неё секреты складывали как в швейцарский банк. Такое потрясающее дружелюбие, которого хватало на весь человеческий род и в существование которого я не верю.

Она много делала и везде успевала. Не любить её было не за что, и эта её идеальность обнажала недостатки других, указывала, что в плохих оценках виновата наша собственная неусидчивость, в неопрятном виде — отсутствие вкуса или утюга. А она ещё и платья с кроссовками носить умела.

Мне вот не всегда удаётся прилично одеться. Каждое утро я борюсь с желанием выйти как гопник из моего двора и потом с грустью вспоминаю, что в списке дел у меня красивая жизнь, любовь к себе, вот это всё.

И всё же однажды ко мне пришло признание модницы — в виде дамы в легинсах и навеселе. Пока мы с Катей говорили «за жизнь» у дороги (такие судьбоносные встречи всегда случаются у дорог), женщина пьяным глазом оценивала нас с конца улицы. Когда неуверенная походка донесла её до нас, она, ничуть не стесняясь, поглазела на нас вблизи. В руках она держала собачонку, и та пыталась ей сказать, что перегар терьерам не очень полезен. Стала хвалить и спрашивать, где и за сколько я это купила. Остаётся только добавить, что желание одеться как гопник я тем утром не переборола.

По мере более близкого рассмотрения успешных Настя моя зависть к ним усиливалась. После каникул традиционно начинались рассказы о том, как нам не удалось их провести. И пока все делились впечатлениями от пары часов сна и глупых учеников, Настя рассказывала, как сходила на неделю моды, в Большой театр, съездила на выходные в Австрию. А остальные, как понимающие собаки, склоняли голову набок и внимали.

Если люди отдыхали два раза в год, и это уже выглядело буржуизмом, то Настя отдыхала по три раза за лето. Сначала они ехали всей семьёй на море. Потом она отправлялась в европейское паломничество проводить время с пользой, учиться новому. Последние дни лета провожала с творческими друзьями на крышах Петербурга. Её фотографии зашкаливали по уровню отпускного счастья. От них оставал-

ся неопределённый осадок, как от всего шикарного и недоступного.

Мы знали про неё не так много, ровно столько, чтобы эта таинственность добавляла ей ещё больше веса в наших глазах. Она знала, чего хотела, и не боялась хотеть многого. Пока мы горевали из-за будущей карьеры в «Макдональдсе», она была и моделью, и визажистом, да ещё и фильмы по выходным переводила.

Я наблюдала два типа людей. У одних самосознание олигархов, несмотря на то, что их только вчера переселили из барака, уготованного под снос, в многоэтажную новостройку. И их это воспоминание о бараке ничуть не обескураживает. А других, с крышей над головой, более или менее устроенных в жизни, преследует серой тенью барак и самосознание убожества. Я и мой барак, будем знакомы.

12 октября

— Мы вчера с подружкой на квест ходили, потом в спа. Очень понравилось! Надо же как-то баловать себя. Пришла домой в два, а потом вспоминаю — у меня же тренировка в одиннадцать! Но сегодня ничего пока, бодрячком, хотя Же-ня меня так гонял, и на ноги, и на пресс, круговая... А сегодня мне снова в театр! Знаешь, я без театра жить вообще не могу, так и живу там. В месяц раз семь точно хожу, каждый день иногда, ну иногда через день. Вот пойдём сегодня

на «Анну Каренину», я уже второй раз, очень понравилось, сейчас вот подруге на день рождения подарила, снова пойду. Красиво жить не запретишь. — С этими словами женщина вышла из душевой, закончив свой многословный обряд омоновения.

«Надо же как-то баловать себя» — какая интересная фраза. Мне бы такое в голову не пришло. Я тоже купила абонемент в фитнес-клуб, этим мой досуг пока и ограничивается. Оказалось, жирных коров сюда тоже пускают. Даже думала брать тренера, но отказалась от этой идеи, чтобы обезопасить его психику от мучений с широкогабаритной мной, а себя от лишних трат. Кстати, о габаритах: 95—69—93, вес 60 — столько весят толстые коровы мегаполиса.

23 октября

Меня покусала муза вранья. Вру страшно, талантливою на глазах. И как только меня не взяли на актёрский? Не ровён час, начну писать в инстаграмах¹ вдохновляющие мысли на языках заморских.

Я ведь и правда пробовала поступить в ГИТИС, и тогда мама в очередной раз меня поддержала.

— Боюсь, я не поступлю, — сказала я.

— Точно не поступишь, — сказала она.

¹ Instagram — запрещённый сервис компании Meta, которая признана в РФ экстремистской организацией. — Прим. авт.

25 октября

Не знаю, как у них это получается. Всё время надо что-то делать, быть энергичным, куда-то стремиться, ходить куда-то, организовывать досуг. В конце концов, заработать на него. Надо и в места интересные ходить, и в кафе, и шутить в ногу со временем. Очень дорого быть молодым. И очень тяжело.

1 ноября

Говорят, люди любят тех, кто любит себя. Жаль, за мной нет греха самолюбования. Подписалась на мастер-классы по нарциссизму в виде десятка страничек томных барышень. Разговариваю с гедонистами, внимательно смотрю, как они волосы поправляют, набрасывают пальто, наблюдаю за ними, как за ящерицами на канале «Дискавери». Стала тоже долго смотреться в зеркало, гладить волосы, помаду купила. Спину стараюсь прямо держать.

7 ноября

Я принадлежу: а) к русским; б) к людям, ежедневно пользующимся общественным транспортом; в) к людям не очень здоровым и, таким образом, зависящим от метеорологиче-

ских условий и всегда немного недовольным. Моё настроение с детства заело на волне «Недовольство FM».

Но угрюмым и злым в страну под названием Красивая жизнь въезд закрыт. И когда я вознамерилась сеять дружелюбие направо и налево, среди окружающих сразу нашлись желающие этим воспользоваться.

Юля, к примеру, отличница и славная девочка, с длинными светлыми волосами, как у капризных принцесс, очень то-ропилась поведать мне о своей тяжёлой доле и рассказать успела много. Если люди в поездах заводят разговоры и рассказывают всю свою жизнь, то Юля функционировала и без поезда.

Семья у неё дружная, с ужинами в атмосфере доверия и взаимопонимания. Такую не описывают в книжках по психологии, такая она идеальная. Все возлагают надежды на перспективную Юлю, а она со старшими не спорит. Говорят, что перспективная, значит, перспективная. Говорят, что умная, значит, умная. А умным ох как тяжело. Так закончилась первая минута нашей беседы. Беседы, в которой моя роль была кивать головой и вздыхать, ведь быть хорошим слушателем — одна из моих целей.

А вздыхала я тяжело и искренне. Юля тараторила безостановочно, и мне даже пару раз становилось страшно, не перегорит ли в ней её болтологический механизм. Её энергией можно было отопить какую-нибудь маленькую восточноевропейскую страну.

Шёл дождь. Становилось тоскливо. Хотелось остановить трамвай и бежать от неё в лес, но мы стояли в пробке, 8 баллов, четверг. Она, наверное, приходила домой, и ей говорили (мало ли, забудет): Юля хорошая, Юля красивая, Юля всего может достичь. Юля... Юля... Юля... Как тут не вырасти достойным членом общества? Они и вырастили, выпустили её в это общество, а людям её терпи.

Она везде успевала, но так бежала к трамваю, как будто это был последний трамвай в её жизни. Знаменитый московский трамвай с кучей народа и пьяным водителем. Зато видите, какая я славная, говорило её всегда слегка недовольное ненакрашенное (естественная красота) лицо. Видите, бегу на трамвай. Видите, тороплюсь. Значит, дело у меня есть. Дело дельное. И при этом транспортом простых смертных не гнушаюсь.

Говорит, времени мало. Не успеваешь везде засунуть нос, думаю я. Сочувственно улыбаюсь. Она была такая любопытная, энергичная, назойливая. И стараний было хоть отбавляй. Даже хлеб в магазине наверняка со старанием покупала. И в вуз поступила такой, чтобы побольше было заданий сложных, чтобы было к чему таланты применить.

А у нас было где славным девочкам разгуляться. Юля всегда садилась близко-близко, на первую парту, чтобы смеяться над шутками преподавателей и в нужный момент кивать. Но она не была одинока, как принцессы в средневековых сказках, не сидела в башне и не кололась иглой. Она окружа-

ла себя группой поддержки по своему образу и подобию. Семинары — вот это был их конек. Первые парты были заранее заняты Юлей и её приближёнными. Они сидели с ровными спинами, готовые к борьбе. Знаний было так много, что они просто не могли ими не поделиться. Их руки стояли в ряд и не опускались ни на минуту.

Красноречие — вот чем ещё она блистала. Заливалась соловьем на любую тему. Излагала мысль запутанно, ждала просьбы объяснить — а дальше её хлебом не корми, дай порассуждать. Поди ещё в депутаты подастся.

Однажды пришла она на экзамен, расстроилась, что глупая, и сразу в слёзы. «Ну что вы, — говорят ей, — лужу наплакали?» А она ревёт-заливается. Чуть что не так — слёзы. Грустно — слёзы. Весело — слёзы. Очень у неё много было талантов — и старание, и красноречие, и плач. Но куда нам до жизненных перипетий славных девочек. Может, у неё драма была. Может, даже душевная.

И правда, пришло время — и пришла драма. Задели её телефон неверные, уронили на пол. И прекрасный был день, пели птицы, небо голубое. А Юле телефон был дорог, куда ей до птиц. Ну, она и отчитала провинившихся, плакать была не в настроении. Как это у славных девочек водится — с уважением отчитала, с терпением, со словами, которые нельзя называть. Много слов Юля знала, оказалось. Больше, чем алкоголики из Москвы. И несчастные виноватые уж не знали, куда деваться. Думают: вот она какая, Юля. Вот они ка-

кие, славные девочки.

27 января

Один из предметов на французском ведёт очаровательный Алексей Дмитриевич. Ему за восемьдесят, но это никак не сказывается на его работоспособности. Он плохо слышит на русском, но на французском улавливает даже не сказанное. Спрашивает, не страшно ли нам с ним, ведь он уже «прадед», класает руками и произносит это так, будто слово обозначает не прадеда правнучки, а фашиста или лешего.

Наше воспитание в основном состоит в том, чтобы донести мысль до его ушей и хором правильно произнести носовые звуки. А когда у кого-то падает ручка или книжка, он по-рыцарски вскакивает и подаёт её даме (юноши у нас явление редкое, а в нашей группе и вовсе несуществующее).

Когда мы забываем, для чего мы все здесь собрались, Алексей Дмитриевич рассказывает разные истории. Например, он очень любит свою жену. Каждое утро после завтрака бежит на кухню — лишь бы самому помыть посуду. И потом он, седовласый добряк, хитро подмигивает нам и говорит: «Я же бешеный!» — и мы смеёмся.

Но он исключение из правил. Остальные закатывали на нас глаза, обижались, били копытом и уходили. А следовало бы лучше следить за своим преподаванием. Вдруг вкрался писатель в наши усталые ряды? Вкрался и задокументировал

ваши ошибки в истории.

На парах английского мы с мисс Х. обсуждали путешествия, любимые картины и книги. Недалеко от университета был Мультимедиа Арт Музей, где мы однажды всей группой пошутили: не пришли на занятие под предлогом «А разве сегодня пара не в МАМе?».

Но что я вру, не было такого. Потому что пары английского были в понедельник, а МАМ по понедельникам был закрыт.

Мы как-то спросили:

— А мы будем заниматься по учебнику?

И тишина давила на уши, как бы означая: «Вы бессмертные, что ли, такое у учителя спрашивать?» Тогда мы ещё не понимали, что это был коммуникативный подход к обучению.

16 февраля

Шутки шутками, а у меня есть талант — лицемерить! Все охотно верят в моё благополучие и внутреннюю гармонию. Даже я верю! Думаю, пора двигаться дальше. Тщеславие говорит мне: у тебя должно быть не «пока она сидела на диване», а «пока все сидели на диване, она...».

Решила стать блогером — это ж самые успешные люди! Пришлось фотографироваться. Оказалось, у меня есть губы и скулы. Как это называется, прикусывать изнутри щёку? Я

научилась. А вот брови мои густые, как две мыши, хоть мне и говорят, что это сейчас моднее всего. Как-то я сделала штук двести фотографий, из которых мне понравились — минус двести.

Один тип фото у меня всё-таки получается — это еда. Я даже размышляла о соцсетевой карьере ресторанный критика, который вместо глупостей под фото описывает едальни. Только вот проблема: фотогеничные блюда обычно приближаются к тысяче по ценовой шкале, в то время как моя стипендиальная (среднемесячная) шкала примерно такого же роста. Публикую красивый бургер, подписываю с иронией, я же в тренде: «Obesity, I choose you²1». Моя obesity сейчас на отметке 55 кг. Зачем ещё нужны соцсети, если не для вранья.

12 марта

Чувствую себя каждый день как на конкурсе красоты — всё время надо производить впечатление. Интересуюсь всем, чтобы иметь обо всём мнение. Смотрю новинки кино, чтобы знать, что критиковать. Хожу на выставки. Говорю на все темы. Шучу. Иногда говорю что-то умное, чтобы не думали, что в башке опилки. Цитирую великих, например, Винни-Пуха, а думают, что классиков. Вообще-то произвести впечатление на людей не так сложно. Сложно убедить их, что ты любишь себя.

² Англ. «Я выбираю ожирение». — Прим. авт.

28 апреля

В блогерстве нужна регулярность. Сложно показывать, что ты ешь и как живёшь, если не ешь и не живёшь. Хотите бесплатную идею, господа маркетологи и копирайтеры? Сделайте курс «Как писать так, как будто ты не депрессивное говно, когда ты именно оно». Я бы купила.

2 мая

Нашла способ есть и не толстеть. 51 килограмм.

5 июня

Сфотографировалась с бокалом — все думают, моему веселю нет конца. А я ведь не пью даже. Там в бокале столько калорий, что потом неделю нельзя будет есть.

20 июня

Ненавижу лето. Погодные условия не отражают моё внутреннее недовольство. В этом смысле мне очень повезло со страной. Лето — сезон для тех, кто умеет жить. А я не могу гулять, хохотать громко, есть мороженое. У меня на шее сидит тщеславный чёрт и копытами то и дело бьёт: «Ты ни-

кто! Как тебе самой не противно! Если ты никто, нет смысла жить!» И потом сразу: «А раз ты ничтожество, то давай, стремись повыше, через тернии куда там, в звёзды, телеведущие, докажи всем, что можешь! А если опозоришься, я это, как его, посмеюсь...»

В школе я ударила одноклассника, когда он сказал: «У тебя день рождения шестого числа, все рождённые шестого спиваются». Как-то очень сильно толкнула подругу. Лупила соседа по парте.

Первый сейчас в Нью-Йоркской академии киноискусств, вторая окончила МГУ с отличием, третий — успешный баскетболист. Что бы такое сделать с собой, чтобы стать такой же неудержимо успешной?

8 июля

Если нет больших планов, надо хотя бы иметь друзей. Лето в городе само себя не организует. Расписала всё по часам: подработки, курсы для блогеров, прогулки. Уже не помню, кто меня научил в детстве, что делу время, а на потеху, сами знаете, времени нет. Не надо думать, как расставить приоритеты, всё ясно. Встречаться с друзьями прихожу в состоянии лёгкого истощения, шучу про работу и смерть. Если не переходить границы, то такой юмор удачно разбавляет жизнерадостие окружающих.

14 июля

Мама периодически спрашивает, не вышвырнули ли меня из университета. А теперь? А теперь? Пришлось её расстроить, сдала всё на пять. Мало того, что сэкономила почти миллион, поступив на бюджет, так ещё и учусь нормально. Не оправдала ожиданий.

28 июля

Моя первая фотосессия! Фотопрогулка с переодеванием по Москве. Мягкий пасмурный свет, я в шляпе, в очках, делаю вид, что мне весело. Блог оказался работой 24/7. Сил нет, идеально. Чёрные мысли меньше лезут в голову. Надо не забыть сфотографироваться на каждой чёртовой стене, в каждом баре. Никогда не думала, что красивая жизнь — это так глупо.

30 июля

Я такая чёрствая, всё время забываю рассказать о чувствах (наверное, потому что у меня их нет). Но я живу в холодной стране, где полгода идёт снег, и в глаза мне уже падало больше, чем Каю.

С Андреем нас познакомили друзья друзей. Он, что называется, высокий, красивый, подающий надежды, одобрен

ГОСТом. Восхищает мамаш, трепещущих за будущее своих квазиневинных дочек. По выходным кутит с друзьями в ирландском пабе. Учится на менеджменте, приличный выбор. Если будет плохо учиться, отец заплатит. Хорошая работа обеспечена. Беспроигрышный вариант.

Не влюбляться было несложно. Любить — я больше не допущу такую ошибку. Легче терять тех, кого не любишь.

1 августа

Обнажение личной жизни или содержимого сумки — какая-то проституция души. Ну, попробуем.

Геометрично раскладываю воду Perrier, которую купила впервые и считаю слишком тяжёлой, чтобы носить с собой, непрочитанную книгу с подходящей по гамме обложкой, духи, которые экономлю, потому что коплю на операцию на глаза. На самом деле у меня в сумке не те пять вещей, что я сфотографировала на подоконнике, а гора таблеток. И когда я падаю в обморок, постить это удивительное происшествие куда-либо некому. Я больной человек, сижу в очереди в поликлинике, задыхаюсь от быстрой ходьбы. Но мне нравится иметь место, возможность остаться в памяти успешным человеком, а не медицинской картой.

3 августа

Влюблённые мальчики очень обязывают. Прямо не могут держать себя в руках. Приходится встречаться с ним хотя бы раз в неделю. Вот заболею чем-нибудь инфекционным, будет знать. Мало того, он ещё расточает комплименты. Смотрит долго, глаза с избытком чувств. Очень хочется в такие моменты что-нибудь нелिцеприятное сделать, подавиться или пролить чай.

Ненавижу комплименты, не понимаю, как на них вообще реагировать. Ладно реагировать, а жить с ними как? Ведь если мне сказали, что я (допустим) красивая, я же не имею больше права быть некрасивой. Неуспешной, недоброй нельзя уже. Вот бы залезть в голову здорового человека и понять, как это должно правильно происходить.

У нас в семье нельзя было проявлять чувства. Плачешь — истеричка/алкаш, переживаешь — псих/невротик, радуешься — инфантилизм, улыбаешься — влюбилась, шлюха. И когда меня спрашивают о чём-то более личном, чем когнитивная лингвистика или новый свитер, я сжимаюсь. Шу-чу, изобретаю велосипеды шуток — лишь бы отвлечь от темы. На самом деле я не знаю, как себя вести. Ответить честно, что позавчера медитировала над бритвами, но в итоге решилась только немного порезать руки, испугалась и пошла покупать свитер, чтобы всё это скрыть? Сказать Андрею, что вообще-то меня каждый раз трясёт перед свиданием, потому что я жутко боюсь: а) что меня спросят о личном; б) что я сболтну что-нибудь лишнее; в) что он мне скажет «Да ты

охренела, с такими загонами тебе надо в психушку» или г) «Я тебе перезвоню» — и сбежит. А для моего образа он мне очень нужен.

Я понимаю, что он не пикапер с извращённым сознанием и набором клишированных фраз, а обычный мальчик, воспитанный доброй мамой. Так и вижу, как он приходит домой, а она искренне интересуется, как прошёл его день и с кем он встречался (я это действительно однажды наблюдала). Она и ко мне хорошо относится. И это так странно — как себя вести в этой ситуации? Когда спрашивают, как дела, переживают, не холодно ли мне и не хочу ли я чаю... С одной стороны, от такого отношения я таю, а с другой — начинаю не доверять ещё больше.

Самое смешное, что люди действительно могут увидеть во мне что-то хорошее: хорошие манеры, вежливость, сдержанность в еде, относительную эрудированность, начитанность, знание языков. Было бы интересно взглянуть на себя их глазами.

4 августа

Ненавижу первые свидания, разговоры-автобиографии, начиная с раннего детства и любимой каши и заканчивая тем, за что тебя любить сейчас. Андрею кажется, что он может много чувствовать, но самокопаться ему не в чем, он цельный человек. Мама его, эта добрая, рассудительная жен-

щина с мягким ненакрашенным лицом, наверняка рассказала ему основные жизненные истины, и он их благодарно усвоил. И я не иронизирую, я завидую. Смотрю на него как на диковинный экспонат в музее.

Только вот ему я не могу это сказать, не поймёт. Что мне ему сказать? «Я слишком насквозь тебя вижу, чтобы когда-нибудь полюбить»? Пью много чая, слушаю. Как слушатель я отличный собеседник.

20 августа

Хотелось бы прыгнуть с парашютом, но пока у меня из экстрима только одно отжимание на одной ноге.

2 сентября

Преподаватели начали иронически называть нас future colleagues³1 и задавать провокационные вопросы.

— Can you speak good or bad English?

— We can do both!⁴2 — говорим хитрые мы.

В любой проблемной ситуации мы вспоминаем Светлану Михайловну. Она пишет учебники на досуге, ценит хорошее чувство юмора в себе и людях, спрашивает, как у нас дела, не

³ Англ. «будущие коллеги». — Прим. авт.

⁴ Англ. «Вы можете говорить на хорошем или плохом английском?» — «Мы можем и так, и так». — Прим. авт.

надоело ли нам рассказывать новости про страны, которые кишат extremists и находятся in political turmoil⁵3.

А мы никогда не упускаем возможности пожаловаться. И тогда кто-нибудь, наиболее отчаявшийся, задаёт главный вопрос: «Что делать?».

— Ну, сначала, конечно, повеситься, — вскидывает она брови, как будто это было нечто настолько очевидное, что стыдно, как это мы не догадались сами, — а потом сесть и спокойно всё сделать.

Она ведёт язык средств массовой информации — предмет не особенно приятный, потому что нужно быть в курсе всего и иметь обо всём своё мнение. Приходится много читать, говорить, думать. А довольно сложно высказываться связно и логично о том, о чём ты понятия не имеешь, или изображать гражданскую позицию, которой нет.

Хотя мое нежелание что-либо комментировать было, может быть, и честнее громких высказываний многих. За гражданской позицией людей часто стоит диван, на котором удобно пережёвывать ситуацию в стране и мире. Но у меня лично нет дивана, как нет и чёткой позиции. Возможно, это связано.

В группе мы друг другу отлично подходим. Все интересуются чем-то своим и не лезут в чужие дела. Кто-то ищет себя, кто-то борется с уже найденным призванием. Иногда

⁵ Англ. «кишат экстремистами и находятся в политическом кризисе», стандартная лексика иняза. — Прим. авт.

читаем стихи собственного сочинения, играем на гитаре, поём. Мы — живой пример борьбы с безработицей и стрессом при помощи подручных средств. Мы hopeless students⁶1, и это прекрасно. Делай как угодно, всё равно никто не оценит. Если ты безнадёжен, тебе всё можно. Никто не говорит, что ты умный, или красивый, или подающий надежды, и тебе не нужно ничему соответствовать. А значит, нет никаких границ.

Может, поэтому у нас нет тщеславия выскочек с первых парт. Я нахожусь где-то между полным блаженством и суицидом, опьянённая отсутствием чужих ожиданий и страхом, что не смогу эту свободу грамотно применить.

3 сентября

Дома ждут переводы. Целыми днями отжимаюсь, перевожу, снова отжимаюсь, грызу морковь. На заячьей диете из всевозможных овощей жить довольно невесело. Под глазами синяки, над глазами тоже, в глазах спирали, на весах 49. Снится тренажёр Смита, эллипсоиды. С таким образом жизни и вечно низким давлением сложно изображать из себя спортсменку-комсомолку-красавицу с шилом в заднице и солнцем в крови. Меня не воспитывали в пансионате для голубых кровей, и изображать из себя высший сорт так странно.

⁶ Англ. «безнадёжные студенты». — Прим. авт.

13 сентября

Мой старый пятиэтажный дом решили снести как пережиток прошлого. К концу месяца надо собрать вещи. Звонила мама:

— Мы решили взять квартиру в строящемся доме, это ближе к центру, от метро недалеко. А готовые квартиры у них либо совсем у МКАДа, либо нужно доплачивать. Ты же найдёшь где пожить?

14 сентября

К середине сентября всех приличных соседей по комнате уже разобрали. Как и приличные квартиры — из тех, что я могла бы себе позволить. Неужели я стану SDF⁷2, буду спать в метро и пахнуть как лошадь?

20 сентября

Андрей, как настоящий джентльмен, прискакал на помощь. Начал расписывать преимущества совместной жизни, уточнять, сколько в их квартире квадратных метров, что на всех хватит, и проч., и проч. Спросил бы сначала, желаю ли я с ним жить.

⁷ Фр. sans domicile fixe — бомж. — Прим. авт.

— А мама не будет против? — спросила я.

— Мама? Нет.

К счастью, она была против. Она оказалась не из тех альтруистического склада женщин, которые готовы последнюю рубашку с плеча отдать, тем более близнецу, хотя именно так стремилась себя подать. Она всем давала советы, делилась опытом, не говорила грубостей, ко всем была снисходительна, всем улыбалась. Проповедовала свободу отношений, говорила: молодым людям нужно давать возможность пожить вместе до свадьбы. Со всеми соглашалась — и делала наоборот.

Во время нашей первой встречи она божилась, что сделает всё для сына, лишь бы он был счастлив, хотя на деле привязала его к себе, так что его девизом стало «Главное, чтобы мама была довольна». К счастью, в данном случае её манипуляции пришлись к месту, и благодаря ей Андрей перестал настаивать на нашем с ним общем очаге.

21 сентября

Потеряв надежду найти убежище в этом жестоком городе, я всем рассказала про своё горестное положение дел.

— Хочешь, приезжай ко мне, — неожиданно предложила Катя.

— Будете вместе делать уроки! — шутили остальные.

Кажется, не суждено мне быть SDF и пахнуть как лошадь.

23 сентября

Катя помогала нести мои немногочисленные пожитки. У метро нас встретили таксисты, нищие, ходячие гамбургеры. Катя увернулась от вездесущих рук краснощёкой дамы-промоутера, обещающей научить рисовать за один день.

— Я рисую политические карикатуры. Они что, не понимают, что ничего хорошего не выйдет из того, что они научат меня их профессионально оформлять?

Дорога от метро казалась очень долгой, мы много плутали между магазинами, парком, новыми домами, старыми домами и, наконец, свернули в кружок домов. У подъезда стояли двое неопределённой степени трезвости мужчин и что-то обсуждали прокуренным голосом.

— А это мои друзья-пьяницы, — сказала Катя, приближаясь к подъезду. А вот и юмор, подумала я.

— Здравсьте! — неожиданно сказала она им.

— Привет! — приветствовал её седовласый, а под лавкой бутылочное стекло царапнуло асфальт.

Катя — самая тёмная лошадь в нашем лингвистическом колхозе. Она всё время учится, сдаёт сессии на пятёрки, не ходит с нами на выставки и отмечать Новый год. О себе рассказывать не любит, да и её жизнь никто не интересуется: что может быть в жизни отличника интересного, по сравне-

нию с жизнью нормального человека?

У неё кудри, как у фарфоровой куклы (как у барана, по её словам), и острый язык. Однажды она выдвинула следующее предложение насчёт не слишком любимой ею преподавательницы:

— А давайте забьём её стулом!

И было бы это очень смешно, если бы та самая преподавательница не стояла за её спиной. Но почему-то Кате её высказывания сходили с рук.

Она постоянно шутит, как будто живёт в ситкоме. Высмеивает всё и всех, себя в том числе. Когда она приходила чуть более нарядная, чем обычно, и мы ей отвешивали какой-нибудь комплимент с издёвкой вроде «Куда это ты такая красивая собралась? К мужчине?», она отвечала: «Конечно. И не к одному... Я же иду в паспортный стол, потом на итальянский — сплошные мужчины!»

У неё склад ума как у сорокалетнего циника. Она хотела вписать это в резюме, и, может, поэтому её никуда не звали. Она бы и родного ребёнка высмеяла, если бы он, не дай бог, у неё был.

— Я бы рада вдохновиться лунным светом и писать восторженные повести о любви, — говорила она. — Но, к сожалению или к счастью, меня не воспитали девочкой, я не восхищаюсь. В детстве мне, должно быть, вырезали восхищение и впаяли негативное мышление. А это очень тяжелый груз. Вот я несу его, чувствую, так сказать, эпоху. А люди, тонко

чувствующие время, редко бывают уравновешенными. Они либо поэты, либо самоубийцы, либо всё вместе.

Самые злые шутки у неё были всегда про себя. Она высмеивала правду по правилам Бернарда Шоу⁸, и всегда сначала было очень смешно, а потом хотелось повеситься. Мне кажется, у неё не всё в порядке, я-то такое вижу издалека. Из-за всего этого мне нелегко было решиться жить с ней, но что, в конце концов, было хуже — злые шутки и крыша над головой или никакой крыши и никаких шуток?

У неё оказалась приятная квартира с телевизором в каждой комнате.

— Обожаю смотреть глупые сериалы, — сказала она.

Родители жили отдельно, и был ещё старший брат, но он давно женился и жил за городом. Так что злая Катя была единственным властелином этого двухкомнатного жилья. Окна смотрели на парк, который зелёным ковром стелился до самого горизонта. Там она проводила свои утра — бегала, пока товарищи без особого места жительства досматривали на лавках последние сны. В её комнате было светло, прохладно и много книг. В комнате поменьше она предложила жить мне. Там висели плотные шторы, за которыми было приятно спать. Кухня оказалась не слишком просторной: каждый квадратный сантиметр был задействован в общем интерьере. На стене красовались старинные часы.

⁸ Имеется в виду цитата Б. Шоу «Мой способ шутить — это говорить правду. На свете нет ничего смешнее». — Прим. авт.

— Они ещё со времён войны, у бабушки тогда дом горел, но часы успели вынести, так они и ходят до сих пор, — проинформировала Катя. Странно, что у таких, как она, бывают бабушки, подумала я.

Прямо под часами стояла плазма, она показывала очень много каналов и растягивала фигурки людей в стороны, так что все казались немного толстяками. Холодильник был весь обклеен магнитами. «Из всех стран, где я не была», — сказала она.

25 сентября

Восхитительно чувствую себя на новом месте. Родственники не знают, где я живу. Катя варит по утрам овсянку, что для меня тоже странно, так как злые персонажи, насколько мне известно, не едят каш. За два года учёбы я ни разу не видела, как она ест, и это, кстати, сходилась с моей теорией о недочеловечности.

— Да у меня аллергия, — объяснила она.

— На что?

— Да почти на всё. На сладкое, на красители, ароматизаторы...

— А где их нет?

— Вот именно, нигде. А ты чего не ешь ничего?

— Худею, — говорю. — Мне ради размеров среднестатистической девочки надо вообще не есть.

Она понимающе кивает.

26 сентября

Если Катя дома по вечерам (пару раз в год), она часа два сидит перед телевизором и прилежно смотрит все отечественные сериалы (исключительно смешные). Цитирует рекламу. Но большую часть времени её нет дома: учит третий язык — итальянский, ходит учить кого-то ему же. Делает какие-то художественные и нехудожественные переводы. Ещё шутит, что это у неё диета такая, лингвистическая. А я сижу на воде и отжиманиях, потому что вес опять 51. Отжимания — мой любимый вид пыток. Она шутит:

— Попробуй растягиваться, чтобы коснуться лбом пола, — появится новый!

Я спросила её, как она заставляет себя делать так много.

— Я не заставляю, Маш. Я всё время злюсь, а вырабатывать топливо как-то надо, как самолёт перед посадкой, понимаешь? Злость, знаешь ли, подливает в пальцы чернил.

28 сентября

Утром кофемолка взвизгивает так, будто сверлит отверстие в бетонной стене.

— Доброе утро, — всегда говорит Катя, потому что вежливость для неё негласное правило. И отсутствие этикета в

мире тоже не оставляет её равнодушной.

— Нельзя «Здрасьте» сказать, что ли, не понимаю... — возмущалась она после очередного путешествия на лифте. — Стоит, как воды в рот набрал. Мужчина, называется. Вот всегда буду с ним здороваться. Чтобы ему стыдно было.

У неё было чёткое определение цивилизованного общества:

— Цивилизация — это не когда стоит забор, а когда на нём не пишут «Хуй».

В её подъезде это написано было.

Но о чём я? Катя и кофе — отдельная история. Мы даже шутим, что она уже родилась с чашкой кофе в одной руке и с газетой в другой. У неё в доме всегда есть годовой запас кофе, овсянка, таблетки от головы. Аптечка у неё обширная, хоть экскурсии по ней води — направо средства от простуды, налево обезболивающие, прямо по курсу аспирина и витамин С. Но таблетки от головы поистине вездесущи. Я видела их на чайной полке, в корзине с фруктами, рядом с её кроватью, на подзеркальнике, на её рабочем столе, в кошельке и в косметичке. Она говорит, что почти постоянно болит голова и если не пить кофе, будет хуже. Я делаю вид, что верю, потому что кофе вкусный. Вот напьюсь вдоволь и поделюсь с ней своими взглядами на кофеин.

29 сентября

По воскресеньям мы ходим в магазин — как семейная пара. Вернее, стали ходить после того, как Катя подошла ко мне и сказала:

— Давай уже приготовим что-то, а то что это за кошачьи порции каждый день.

Сегодня мы ели. Перед этим знатно попортили внешний вид её чистой кухни, пометили её панировочными сухарями, горящим маслом, мукой... Обожаю есть, если честно. Обожаю действия, требующие предельного сосредоточения, — готовить, есть, рубить дрова. И не делиться ни с какими подписчиками фотографиями моей прекрасной человеческой, нефотогеничной еды.

30 сентября

Перед уходом Катя говорит:

— Девок не води. Мужиков если позовёшь, приберись сначала.

— Да где их взять-то, мужиков? — спрашиваю я.

— Это как грибы, надо лучше искать.

1 октября

Я жутко опаздывала и успела только на конец Настиной истории про вино:

— ...мы, конечно, засомневались, посмотрели ещё раз... Но нет, не включили вино! Значит, судьба перед нами извинялась.

Летом Настя и Полина побывали в Париже, где крайне неудачно прокатились на метро. Парижские проездные стоят дорого, но как уехать, не увидев Париж из-под земли? Так что они благополучно преодолели турникеты и по русской традиции выкинули билетики. Но на поезд так и не сели. Страж порядка попросил их предъявить свежесброшенные билеты и за неимением таковых выписал штраф.

И теперь, когда Настя с Полиной были уже в Москве, случилось удивительное. Официант забыл включить в их счёт дорогую бутылку вина, о чём Настя и рассказывала. Правду говорят — удача любит смелых. А ещё тех, кто любит вино.

3 октября

Наконец я не выдержала:

— Много кофеина вредно.

— А, ты не будешь? — спросила Катя и подлила побольше себе. Она всегда пила кофе со вкусом кофе, без всего.

4 октября

Социальные сети — зло, они сделали доступным чужое счастье. Пока я злюсь, Катя говорит:

— Забудь о них, через лет пять о них все забудут, придёт новая кровь, а мы будем главредами, и они будут нас читать.

После чего ободряюще добавляет:

— И ненавидеть будут. Как всех маленьких девочек, которые делают большие дела.

Ну она-то, может, и будет делать.

6 октября

Надо закодировать себя от выбалтывания лишней информации. Люди должны думать, что я слишком беспечна, чтобы задаваться такими вопросами, как политическая ситуация. Знаете, как говорят у нас в инязы? «Ваша главная задача — to say something about nothing». Так вот надо научиться говорить nothing about something⁹

⁹ Англ. «сказать хоть что-то по поводу ерунды», «сказать ерунду по какому-то поводу». — Прим. авт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.